

ДИСКУСІЇ

Петр Толочко

Даниил Галицкий и нашествие Батыя на Южную Русь в работах петербургских историков

В последнее десятилетие тема эта обрела как бы второе дыхание. И все благодаря коллективному подряду петербургских историков (А.В. Майоров, И.Я. Фроянов, М.В. Киселев, С.Б. Чебаненко), которые серией неизменно поддерживаемых грантами работ предложили научной общественности совершенно новый взгляд на взаимоотношения Даниила Галицкого и хана Батыя, возглавлявшего завоевательный поход монголов (татар) на Южную Русь. При чтении работ названных авторов обращает на себя внимание их содержательная и стилистическая похожесть. В центре внимания всех — конспирологическая версия лояльности татар к Даниилу Галицкому и его земле.

Флагманские работы, если можно так выразиться, принадлежат А.В. Майорову, остальные авторы, по существу, «горячо» поддержали его главную идею. А заключается она в том, что между монголами и Даниилом Романовичем, еще до овладения татарами Киевом, был заключен некий договор, обеспечивший особое отношение завоевателей к Галицко-Волынским землям.¹ В то время, как Киевская, Черниговская и Переяславская земли были подвергнуты тотальному разорению, Галиция и Волынь, согласно названным исследователям, избежали такой печальной участи.

Основанием этому служат сообщения летописи, указывающие, что на пути следования Батыевой армии остались нетронутыми такие городки как Данилов, Кременец и Холм. Естественное объяснение, высказанное в литературе, что эти небольшие крепости не занимали в стратегии татар такого важного места, как удельные центры,² историкам, видимо, показалось слишком простым. Особенно, если иметь ввиду, что такие же небольшие крепости Колодыжин, Райки и Изяславль, расположенные в Киевской земле, татары не пощадили.

1 Майоров А.В. Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы. *Русин.* 2015, № 1 (39), 71. См. также: Майоров А. В. Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи). *ТОДРЛ.* Т. 40. СПб., 2009, 311–326.

2 Толочко П.П. *Кочевые народы степей и Киевская Русь.* К., 1999, 179.

На этом основании авторы пришли к выводу, что при заключении договора 1239 г. Даниил Романович получил от татар некие иммунитетные гарантии. С особым энтузиазмом эту мысль поддержал канадский историк М. Дымник, принявший предположение о договоре за исторический факт. «Мы знаем, — заявляет он, — что после того как татары разграбили город (Чернигов), они заключили мир с тремя русскими князьями — Владимиром Рюриковичем Смоленским, Даниилом Романовичем Волынским и двоюродным братом Михаила — Мстиславом Глебовичем».³ Можно было ожидать, что за этой фразой автор даст свое обоснование такого знания, но его не последовало. Он сослался на свою давнюю работу,⁴ откуда мысль об особых отношениях Даниила с монголами, собственно, и позаимствовал А.В. Майоров. Представляется, что вся конструкция была подсказана замечанием Димника о «договоре» с монголами, многозначительно оброненным в его книге 1981 г.:

Неопределенное указание источников на мирный договор не раскрывает природу соглашения между князьями и завоевателями. [...] Поскольку Смоленское и Черниговское княжества были опустошены, у князей этих земель не было другого выхода, как принять безоговорочную капитуляцию. Но примечательно, что земли Вольни и Галиции еще не были завоеваны; тем не менее, Даниил Романович, согласно источникам, также принял условия татар. Он был единственным из русских князей, кто заключил соглашение с ними еще до того, как произошло вторжение в его земли.⁵

Развивая предположение о договорном иммунитете Даниила Галицкого, петербургские историки увидели доказательство этому в слишком кратком летописном описании взятия стольного Галича. И.Я. Фроянов говорит даже о «подозрительном молчании летописи о падении Галича».⁶

Поразительно, это же как надо читать летопись, чтобы не заметить ее свидетельства о трагической участи Галича, постигшей его вместе с другими городами края:

и приде к Володи^фроу . и взл и копьемь . и изби и не щада . тако же и гра^д Галичь . иныи гра^д многы . имже нѣ^с числа.⁷

О том, что понимал летописец под «изби не щада», хорошо видно из его рассказа о возвращении Даниила из Польши в Русь после того, как Батый ушел в Венгрию:

3 Дымник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в (1239–1245 гг.). *Русин*. 2014, № 1 (35), 18, 21–22.

4 Martin Dimnik, *Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224–1246* (Toronto, 1981), 85–86.

5 Martin Dimnik, *Mikhail, Prince of Chernigov*, 86.

6 Фроянов И.Я. Галицко-Волынская Русь: Между Византией, Монголами и Римом (достижения и проблемы новейшей историографии). *Русин*. 2016, № 4 (46), 89.

7 ПСРЛ 2: 786.

Данилови же со братомъ прише^ашоу ко Берестью . и не возмогоста ити в поле . смрада ра^а и множества избьены^х . не бѣ бо на Володимѣрѣ не всталъ живыи . цркви стои Бѣи исполнена троупья . иныя цркви наполнены быша . троупья и телесъ мртвы^х.⁸

Определенно, если бы Даниил и Василько возвращались в Галич, они увидели бы и там аналогичную картину татарского избиения. Правда, А.В. Майоров и его коллеги попытались смягчить летописное известие о жертвах Берестья тем, что, очевидно пострадали только жители округа Берестья, а сам город не понес значительных разрушений. Младший коллега А.В. Майорова М.В. Киселев попытался даже дезавуировать приведенные свидетельства летописи тем, что они, будто бы, не находят подтверждения в археологических исследованиях.⁹

Что касается Владимира, то такое утверждение совершенно неверно. Во время раскопок археологи обнаруживали множество скелетов с разрубленными черепами, а также слои пожарищ. Галич археологически исследован менее полно, но и в нем обнаруживаются следы Батыева погрома, многие его храмы были разрушены в это время. Мощные слои пожарища, образовавшиеся от сожженных укреплений и жилищно-хозяйственных комплексов галицкого детинца, выявлены раскопками Б. Томенчука. Датируются они серединой XIII в.¹⁰

Не может служить аргументом, в пользу особой лояльности монголо-татар к Даниилу Галицкому и пример с Берестьем, который, будто бы, не был разрушен или сожжен монгольской армией. Названные авторы ссылаются на исследователя Берестья П.Ф. Лысенко, у которого, однако, полной уверенности в этом не было. Он высказал лишь осторожное предположение, что возможно город и уцелел в Батыево нашествие. Правда, не стал придумывать оправдания для татар, но предположил, что это могло произойти от слабости монгольского отряда, оказавшегося под Берестьем, а также трудностями для штурма города из-за обилия вокруг него водных препятствий.¹¹

Не исключено, что так могло и быть, хотя твердых аргументов для этого нет. Из летописи следует, что округа Берестья была полностью разорена, а ее население, в значительной степени, истреблено. Некому было хоронить «множество избьенных», лежавших в поле. Косвенным свидетельством того, что не избежал разорения и город, может быть его новая застройка, датируемая началом 1240-х — 1250-ми гг.¹² Вполне логично предположить, что необходимость в ней была вызвана разрушениями, причиненными Батыевым

8 ПСРЛ 2: 788.

9 Киселев М.В. Спорные вопросы Батыева нашествия на Южную Русь и Прикарпатье. *Русин*. 2016, № 1 (43), 73.

10 Томенчук Б. *Археологія городищ Галицької землі. Галицько-Буковинське Прикарпаття. Матеріали археологічних досліджень 1976–2006 рр.* Івано-Франківськ, 2008, 494–609.

11 Лысенко П.Ф. *Берестье*. Минск, 1985, 55.

12 Лысенко П.Ф. *Берестье*, 396.

нашествием. Но, пожалуй, главным аргументом против конспирологических построений петербургских историков является свидетельство летописи об уничтожении берестейской округи. И в данном случае совершенно неважно, нанесли ли монголо-татары аналогичный урон непосредственно городу.

Удивительно, что А.В. Майоров и его коллеги, заинтригованные идеей наличия между Даниилом Галицким и Батыем мирного договора, по существу, не приняли во внимание ни летописные, ни археологические свидетельства. Определенно потому, что они разрушают их главный вывод об особой лояльности Батыя по отношению к галицкому князю и его владениям, которая будто бы была прописана в договоре. При этом, им счастливо открылись и все другие его статьи.

Как утверждает С.Б. Чебаненко, согласно этому договору, киевский князь Михаил Всеволодович должен был покинуть город (Киев — *П.Т.*), который татары определили своему союзнику Владимиру Рюриковичу. Автор не объясняет, на основании чего называет Владимира союзником татар. Имеется ввиду здесь какое-то отдельное его соглашение, или то общее, которое было заключено вместе с Даниилом Романовичем? После внезапной кончины Владимира, Киев, уверяет автор, «с разрешения татар, по договору, заключенному осенью 1239 г., получил Даниил».¹³ Раньше это утверждал А.В. Майоров.¹⁴ О мире Даниила Галицкого с монголами, и также со ссылкой на А.В. Майорова, пишет в своей работе И.Я. Фроянов. От себя добавляет, что «факт сепаратного примирения Даниила Галицкого с монголами подтверждается данными венгерских источников, а также общим анализом русско-венгерских отношений накануне и после монгольского нашествия».¹⁵

Какие венгерские источники убедили И.Я. Фроянова в наличии договора между Даниилом Галицким и монголами, неизвестно. Разумеется, нельзя подтвердить его и «общим анализом русско-венгерских отношений», особенно «после монгольского нашествия». Загадочным выглядит и квалификация этого договора, как «сепаратного». От кого сепаратного? От Мстислава Глебовича и Владимира Рюриковича? Но тогда рушится все основание договора, базирующееся на известии *Новгородско-Софийских летописей* XV в.

Оказывается, что этим «договором» определялось и все последующее поведение Даниила Галицкого по отношению к монголо-татарам. Он не должен был организовывать им сопротивление, но обязывался оставить перед их подходом Галич и Владимир. Верный своим обязательствам перед татарами, пишет А.В. Майоров, Даниил заблаговременно покинул свою землю.¹⁶

13 Чебаненко С.Б. Южная Русь и Прикарпатье (Юго-Западная Русь) в период монгольского нашествия: проблемы новейшей историографии. *Русин.* 2016, № 1 (43), 81–84.

14 Майоров А.В. Даниил Галицкий и «принц Татар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь. *Русин.* 2013, № 1, 6–18.

15 Фроянов И.Я. Галицко-Волынская Русь: Между Византией, монголами и Римом, 89.

16 Майоров А.В. Монгольское завоевание, 12.

Собственный конспирологический вымысел для петербургских историков оказался важнее реальных свидетельств. Как пишет летописец, Даниил Романович поехал к венгерскому королю «еще бо башеть не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Къевь». Поехал же «ко королеви Оугры . хотя имѣти с ни^м любовь сватства». ¹⁷ Можно, разумеется, усомниться в истинности сказанного летописцем. Не исключено, что у Даниила были такие же мотивы, как и у Михаила Всеволодовича, который «бѣжа по снѣу своемь передь Татары въ Оугры». ¹⁸ Можно обсуждать содержание приведенного летописного сообщения и его достоверность, но совершенно немыслимо конструировать новую историческую реальность, абстрагируясь от свидетельств.

Предположение о договоре неизбежно оказалось противоречивым. Авторы даже и не попытались согласовать его с другой частью своих утверждений. Ведь если основным в «договоре» был компромиссный бартер — Даниил не оказывает сопротивление Батю, а тот не разоряет владения галицкого князя, — то как случилось, что ожесточенное сопротивление татарам оказал Киев? По воображаемому «договору», да и по свидетельству реальной летописи, древняя столица Руси перед приходом Батые оказалась в руках Даниила. Кстати, получил он её не «после внезапной кончины» Владимира Рюриковича, ¹⁹ а отобрал у Ростислава Мстиславича, смоленского князя, занявшего киевский стол после бегства Михаила. Оставил в нем своего воеводу Дмитрия с твердым наказом защищать город:

Ростиславъ Мьстиславичъ . Смоленского сѣдѣ Къевѣ . Даниль же ѣха на нь . и на его . и встави в немь Дмитра . и вдасть Къевь в роуцѣ Дмитрови . шьбдержати противу иноплемьныхъ азыкь . безбожьныхъ Татаровъ. ²⁰

По существу, согласно придуманному авторами дипломатическому бартеру договора 1239 г. от нашествия монголов не должны были защищаться не только небольшие городки Киевской земли Колодяжин, Изяславль, Райки и др., но и сам Киев, поскольку все они оказались под суверенитетом Даниила Галицкого и на них должна была распространяться «охранная грамота». То же самое относится и к родовой его вотчине Владимиру Волынскому. Но ведь защищались и все были подвергнуты страшному разгрому.

Сказанного вполне достаточно, чтобы версией о договоре Даниила с татарами 1239 г. можно было просто пренебречь. Однако, чтобы избежать упрека в невнимании к главным аргументам, позволившим А.В. Майорову и его единомысленным коллегам сделать свое открытие, остановлюсь на них и я.

¹⁷ ПСРЛ 2: 786.

¹⁸ ПСРЛ 2: 782.

¹⁹ О Владимире Рюриковиче нет известий после 1235 г. Вскоре после неудачного похода на Чернигов он был захвачен в Киеве, попал в половецкий плен, откуда выкупился (НПЛ: 74). Если его и постигла «внезапная кончина», то в 1235, а не в 1239 году.

²⁰ ПСРЛ 2: 782.

Их, аргументов, два: грамота венгерского короля Белы IV и известие новгородских летописей XV в.

Начнем с жалованной грамоты, выданной Белой IV некоему Николаю, сыну Обиха (*Nicolai filii Obichk*), на землю *Koarszeg* в награду за верную службу во времена монгольского завоевания Венгрии. Эта грамота была впервые издана Георгием Феером еще в 1829 г.,²¹ с тех пор неоднократно публиковалась, а в украинской науке известна, по крайней мере, со времен М.С. Грушевского. *Narratio* грамоты, среди других услуг Николая, отмечает, что тот

в земли Руси и земли Болгарии с нашим посольством отправлялся, от светлейшего князя Даниила, посетившего татарского князя, о положении татар, как тот (Даниил) видел и разузнал и обещал нам сообщить, по возвращении письменно донес.

Первое, что приходит в голову при чтении этих строк, это летописный рассказ о путешествии Даниила Галицкого в ставку Батыею 1246 г. Там он действительно встречался с «принцем Татар» и, определенно, обогатился новыми знаниями о «положении их дел», которые интересовали венгерского короля.²² М.С. Грушевский, одним из первых обративший внимание на эту грамоту, высказал предположение, что в ней, возможно, речь о встрече Даниила с татарским воеводой Мауци, «Могучием» *Галицко-Волынской* летописи,²³ разве что дата грамоты ошибочна и в ней говорится об известной из летописи поездке Даниила 1246 г. Действительно, *ГВл* настаивает, что поездка Даниила к Батыю была единственная, да притом и запоздалая. Принимая Даниила в своем шатре, хан выразил удивление, что галицкий князь не сразу явился к нему: «рекшоу емоу Данило чему еси давно не пришель . а нынѣ вже еси пришель . а то добро же».²⁴

Сомнения в том, что в грамоте речь о событиях, связанных с посещением Даниилом Батыею в 1246 г., действительно «принца Татар», возникли из-за нечеткости ее хронологии. В ней две даты. Одна календарная — 22 апреля 1244 г., вторая — «год двадцатый нашего королевства», что, учитывая год коронации 1235 г., дает 1254 г. Это не единственная странность грамоты. В ней, например, отсутствует такая важнейшая для подобного рода документов клаузула, как список свидетелей пожалования. Кроме того, титул Белы IV представлен как *Dei gratia rex primogenitus regis Hungariae*, то есть в том виде, как Бела титуловался до своей коронации, при жизни отца. На этом

21 *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, studio et opera Georgii Fejér, 4: 1 (Budae, 1829), 335–338.

22 Не это ли посольство, после возвращения Даниила из ставки Батыею, своеобразно отразила *ГВл*: «быѣ же вѣдомо странамъ прихо^о его . всимъ ис Татарь . яко Бѣ спѣлъ есть его. Въ то* лѣто присла король Оугорьскыи . вицькаго [...]» (ПСРЛ 2: 808–809)?

23 Грушевський М.С. *Історія України-Русі*. Т. 3. Львів, 1905, 66. *ГВл*, напротив, настаивает, что с Мауци Даниил не встречался, тот только присылал своего посла ко князю (ПСРЛ 2: 805).

24 ПСРЛ 2: 807.

основании многие авторитетные исследователи полагали грамоту фальсификатом.²⁵ Часть исследователей однако склонны доверять грамоте, считая более верной вторую дату и полагая, что первая появилась в результате ошибки копиистов. В сравнительно недавно вышедшей работе М. Фонт события, отраженные в грамоте, датированы 1246 г.²⁶ А.В. Майоров, вслед за другими исследователями,²⁷ считает истинной первую дату грамоты — 1244 г. На этом основании полагает, что речь в ней не о событиях, связанных с визитом Даниила в ставку Батые, а о более ранних.

Предположим, что так и было. Но из допущения о поездке Даниила к монголам ранее 1246 г. не вытекает реальность его «сепаратного» договора с ними в 1239 г. И наоборот: заключенный якобы договор не предполагает обязательности «ранней» поездки. Два утверждения не составляют собой логически последовательного аргумента.

А.В. Майоров, однако, выходит из этого затруднения дополнительным предположением, что встреча Даниила с послом Белы IV могла произойти в конце 1239 — начале 1240 г.²⁸ То есть Даниил говорил о своей встрече с «татарским князем», состоявшейся под Киевом в 1239 г., когда и был заключен договор. Этим «татарским князем» был царевич Менгу, с которым, вероятно, Даниил разделил удовольствие «соглядать» город Киев и дивиться «красотѣ его . и величеству его».

Максимальное приближение событий, описанных в грамоте Белы IV, к 1239 г. — всего лишь иллюзия объяснения. Подобная реконструкция противоречит прямому смыслу грамоты. Хронология ее *narratio* такова. Когда в Венгрию вторглись татары, король спасался бегством к морскому побережью. В отличие от других, адресат грамоты Николай не покинул своего короля, но последовал за ним «на морской остров», откуда, из Трогира, был послан «к Римской курии». «Затем, после ухода татар» (*cum post recessum Tartarorum*) был посылаем в Венецию по случаю возникшей с ней вражды из-за Задара, перевоза государственные «письма» туда и обратно (надо думать, тексты договорных грамот). И только затем, говорит грамота, был в посольствах на Русь и в Болгарию. Монголы вышли из Венгрии в середине 1242 г.;

25 Так твердо указано, например, в издании регестов венгерских грамот Имре Сентпетери (Szentpétery Imre, *Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke. Regesta regum stirpis Arpadianae critico diplomatica*. I. kötet 2 füzet (Budapest, 1927), 224, № 763). См. также подробный разбор мнений в: Волошук М. Проблема кількості візитів Данила Романовича in Tartaria: джерелознавчий аналіз угорського диплому від 22 квітня 1244 р. *Дрогощинь 1253. Матеріали міжнародної конференції з нагоди 755-річчя коронації Данила Романовича*. Івано-Франківськ, 2008, 18–37.

26 Фонт М. Венгры на Руси в XI–XIII вв. *А се его серебро. Збірник праць на пошану чл.-кор. НАН України М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя*. К., 2007, 97.

27 См., напр.: Mariusz Bartnicki, *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264* (Lublin, 2005), 108–109; Dariusz Dąbrowski, *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna* (Kraków, 2012), 241–242.

28 Майоров А.В. Даниил Галицкий и «принц Татар», 70–71.

Задар передан под покровительство Белы в мае 1242 г., но окончательно проблема была урегулирована только в июне–августе 1244 г., когда Бела признал права Венеции на Задар и стороны обменялись договорными грамотами.²⁹ Так что остальные посольства Николая (на Русь и в Болгарию) никак не могли состояться раньше этого времени.

Более корректным, по крайней мере, на первый взгляд, выглядит обращение А.В. Майорова и его коллег к известию новгородско-софийских летописей XV в., в котором какой-то намек на договор русских князей с татарами действительно имеется. Звучит он так:

Иную же рать посла на Черниговъ. Прише^аше же послании, оступиша гра^а Черниго^б в силѣ тѣжцѣ. Слыша же Мьстиславъ Глѣбовичъ нападение иноплемени^к на гра^а и приде на ня съ своими вои. Бившеся имъ крѣпко, *лютъ бо бѣ бои у Чернигова, оже и тараны на нь поставиша, и меташа на нь каменемъ полтора перестрѣла, а камень же, яко ^ж можааху 4 мужи силнии подъяти*. И побѣженъ бы^с Мьстиславъ, множество ѿ вои его избѣено бы^с. И гра^а взяша, и запалиша огнемъ, а еп^спа оставиша жива и ведоша и въ Глуховъ. *А ѿтолъ приидоша къ Киеву с миромъ и смирившася съ Мьстиславомъ и Володимеромъ и съ Данило^м* (ПСРЛ 6, 1: 300–301).

Текст очевидным образом основан на сообщении *ГВл*:

в то же время посла на Черниговъ . вѣстоупиша гра^а в силѣ тѣжцѣ . слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичъ . нападение иноплемени^к на гра^а . приде на ны со всеми вои . бившимся имъ . побѣженъ бы^с Мьстиславъ . и множество ѿ вои его избѣено бы^с . и градъ взяша и запалиша огнемъ еп^спа оставиша жива . и ведоша и во Глуховъ (ПСРЛ 2: 782).

Однако выделенные курсивом в сообщении *Софийской первой* летописи фрагменты читаются в *ГВл* в контексте событий 1235 г.:

Даниль же поиде . ко Володимероу . и поидоста Черниговоу и приде к нима . Мьстиславъ Глѣбовичъ . ѿтоуда же поидоша плѣнати землю . поимаша гра^а многы по Деснѣ тоу же взяша и Хороборъ и Сосницю . и Снѣвскъ . инѣи гра^а многы . и придоша же впять Черниговоу створиша же миръ со Володимеромъ . и Даниломъ . Мьстиславъ . и Черниговчѣи . *люто бо бѣ бои оу Чернигова . вже и таранъ на нь поставиша . меташа бо каменемъ . полтора перестрѣла . а камень такоже можааху . ѿ . мужи силнии подъяти . ѿтоуда с миромъ приидоша Къиевоу . Издславъ же . вдинако не престааше возвелъ бѣ Половци на Киевъ* (ПСРЛ 2: 772).

На основании убежденности, что каменеметательные машины могут быть отмечены только у монголов, достаточно давно была создана ложная текстологическая головоломка: где отмеченным фрагментам быть уместнее: в со-

29 См. договорные грамоты Белы IV (июнь) и Венеции (август): *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig: mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante*. 2 Teil: 1205–1255 (Wien, 1856), 419–422.

общении *ГВл* за 1235 или *Соф 1* за 1239 г.? Отсылая читателя к новейшему детальному разбору этого фрагмента *ГВл*,³⁰ заметим, что в обозреваемых сочинениях предпочтение решительно отдается летописям XV в. перед текстом XIII в. Именно в поздних новгородских летописях некая «Повесть о походе Батые», которой, скорее всего, вообще не было, сохранилась якобы лучше всего.³¹ Однако попытки реконструировать ее первоначальный текст путем объединения текста XIII в. с текстом XV в., да еще и с неуместными конъектурами,³² ведут к замыканию круга: виртуальная реальность находит опору в виртуальных источниках.

Анализировать следует не придуманное сообщение, а реальное. Нет и малейшего сомнения, что рассказ *Inam*. 1234 г. никакого отношения к 1239 г. не имеет. В нем речь об усобице между южнорусскими князьями, которая имела место в 1234/35 гг. Ее временным финалом был мир между князьями Владимиром Рюриковичем и Даниилом Романовичем с Мстиславом Глебовичем и черниговцами, заключенном в Чернигове.

Даниль же поиде . ко Володимероу . и поидоста Чернигоу и приде к нима . Мьстиславъ Глѣбовичъ [...] створиша же миръ со Володимеромъ . и Даниломъ . Мьстиславъ . и Черниговъчи.³³

В продолжении этого пространного рассказа об участии Даниила Галицкого в усобице черниговских и киевских князей летописец еще раз говорит о мире. «Даниль бо и вои его . бѣ истроудилася . поплѣнилъ бо бѣ всѣ Черниговьскыя страны . воевалъ бо бѣ ѿ крщѣнїа . до вознесения . створи миръ воротиса Къяевоу».³⁴ Ни в этом, ни в приведенном выше, летописных текстах ничего неясного нет. Даниил Романович и Владимир Рюрикович, предпринявшие военный поход в Черниговскую землю как отместье за захват Киева Михаилом Всеволодовичем, заключили мир с Мстиславом Глебовичем, претендовавшим на черниговский стол, и самими черниговцами. Летописец пояснил, что это случилось после того, как Даниил Романович и Владимир Рюрикович, по существу, потерпели поражение под Черниговом, не смогли овладеть им.

И.Я. Фроянов выразил недоумение тем, что указанное известие новгородской летописи помещено в статье 6742 года *Inam*. Но если и искать какую-то связь между краткой записью новгородского летописца XV в. в статье 1239 г.

30 Галицько-Волинський літопис: Текстологія. За ред. О.П. Толочка. К., 2020, 282–293. См. также: Ставський В. І. «Лютъ бо бѣ бои оу Чернигова». *Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна*. К., 2017, 388–396.

31 Майоров А. В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Часть вторая *Rossica antiqua* 2(6). СПб., 2012, 74–78.

32 Майоров О. Оборона Чернігова від монголо-татар у 1239 р. *Істину встановлює суд історії. Збірник на пошану Федора Павловича Шевченка*. Т. 2. К., 2004, 138–139.

33 ПСРЛ 2: 772.

34 ПСРЛ 2: 773.

и пространным рассказом *Ипат*. 1234 г. то, разумеется, прямую, а не обратную. Известно же, что это поздние новгородские летописцы зависимы от южнорусских, а не наоборот. Петербургским историкам следовало бы задуматься не над тем, как текст под 1239 г. новгородской летописи был перемещен в статью 1234 г. *Ипатьевской*, а над тем, как текст последней оказался в новгородской в совершенно чуждом историческом контексте.

А теперь обратимся к историческим обстоятельствам 1239 г. и посмотрим, сохранялся ли в это время союз названных князей и могли ли они находиться в Киеве. Из буквального прочтения новгородского известия следует именно это. Татары пришли «с миром к Киеву и смиришася» с тремя русскими князьями. В реальности ничего этого не было. Мстислав Глебович потерпел сокрушительное поражение под Черниговом и, вряд ли, рассматривался татарами договорной стороной. Владимира Рюриковича, судя по всему, уже не было в живых. Даниил Галицкий в это время был занят борьбой за Галич с Михаилом Всеволодовичем и его сыном Ростиславом. В Киеве он появился только после того, как из него бежал Михаил Всеволодович. Но в это время возле него уже не было и татар. Не решившись на штурм города, они отошли в степь.

Реально татары в 1239 г. могли вести переговоры только с киевским князем Михаилом Всеволодовичем. И вели их. Как сообщает южнорусская летопись, именно к нему были направлены татарские послы: «Присла послы свои к Михаилоу и ко гражаномъ . хотя е . прельстити».³⁵ Но ни о каком мире Менгу не говорил. Он, судя по всему, предъявил ультиматум о сдаче Киева, который киевляне отвергли. Следовательно, никакого мирного договора с монголами три названных князя не могли заключить физически. Здесь определенно внес путаницу поздний новгородский летописец, не очень представлявший южнорусские реалии 1239 г.

Но ведь, строго говоря, и у него нет ни слова о «договоре» русских князей с татарами. Термин «смиритиса» (примириться) не тождествен термину «оурядитиса», «радъ положити». Да и к чему татарам был этот договор, который бы хоть как-то ограничивал их завоевательские аппетиты. В 1238/39 гг. Южная Русь еще не была ими завоевана, а, как известно, их дипломатическая практика не знала договоров с непокоренными народами. Об этом хорошо известно, в частности, из *Истории Монгалов* Плано Карпини. В главах VII и VIII он специально отмечает, что татары «не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчиняются» или «не предаются в их руки». При этом, Карпини отмечал, что эту особенность завоевательской политики татар необходимо всегда учитывать. Кстати, у Карпини нет сведений о какой-либо избирательности татар в отношении к разным русским землям. Они, записал он, произвели великое избиение в земле Руссии, раз-

35 ПСРЛ 2: 782.

рушили города и крепости и убили людей. После взятия Киева «сражениями опустошили всю Руссию».³⁶

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что петербургские историки, конструируя конспирологическую версию договора 1239 г. русских князей с татарами, так и не смогли дать ему непротиворечивое толкование. Исходя из того, что всё их «открытие» покоится на сомнительном известии *Новгородско-Софийских* летописей XV в., можно полагать, что кроме Даниила Галицкого равноправными «подписантами» договора они признают Владимира Рюриковича и Мстислава Глебовича. Следовательно, татарская лояльность должна была распространяться не только на Галицию и Волынь, но также на Киевскую и Черниговскую земли. Но эта простая мысль, почему-то, так и не посетила петербургских коллег. Более того, в изложении аргументов, будто бы свидетельствующих в пользу договора, они вообще «забывают» о киевском и черниговском князьях, представляя дело так, как будто он был заключен с татарами одним Даниилом Галицким.

У читателя все это вызывает, по меньшей мере, недоумение. И разрешить его нет никакой возможности. Оно — закономерное следствие конспирологического метода исследования, когда в его основе не историческая реальность, а придуманная.

Інститут археології НАН України

36 Джованни дель Пано Карпини. *История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны*. Перевод А.И. Малеина. М., 1957, гл. VII § 1, гл.VIII § 1.